

Б. Д. Цыренов¹, О. Шинэбаяр²

¹ *Институт монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ*

² *Институт языка и литературы Академии наук Монголии, Улан-Батор*

**Опыт составления русско-бурятского технического словаря:
общий анализ***

На материале «Краткого русско-бурятского технического словаря» Д. Ирдынина, А. С. Кожевникова и В. И. Андреева (Верхнеудинск, 1933) рассматривается становление технической терминологии бурятского языка. Словник словаря составлен исходя из потребностей, возникших при строительстве паровозовагоноремонтного завода с привлечением к строительству большого количества бурят, которые в массе плохо владели русским языком. В его состав вошло сравнительно небольшое количество строительных и технических терминов, состоящих из одного слова или словосочетания. В части семантизации преобладает перевод терминов, но в то же время значительна доля толкований, описательных переводов, которые сочетаются с заимствованиями и переводами. Доля собственно заимствований невелика. Данный словарь стал первым опытом создания бурятского технического терминологического словаря.

Ключевые слова: бурятский язык, техническая терминология, словарь, перевод, толкование, заимствования.

Один из первых словарей бурятского языка – «Краткий русско-бурятский технический словарь» Д. Ирдынина, А. С. Кожевникова и В. И. Андреева (Верхнеудинск, 1933) привлекает интерес исследователей не только тем, что он имеет историческую ценность, но и с точки зрения становления и развития технической терминологии на бурятском языке. Цель данного исследования заключается в общем анализе данного словаря, выявлении способов дефиниции терминов. Исходя из указанной цели, ставится задача представить общую характеристику бурятского литературного языка в период создания словаря, изучить способы дефиниции терминов на бурятском языке, особенности деления значений слова.

Начало 1930-х гг. стало периодом становления нового бурятского литературного языка после отказа от старомонгольской письменности, обслуживавшей бурятский язык до 1931 г. На общей волне латинизации, прокатившейся по всему

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», номер госрегистрации АААА-А17-117021310266-8 (“Mentality of the Mongolian peoples in the mirror of language”).

Цыренов Бабасан Доржиевич – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 630047, Россия; tsyrenovbabasan@mail.ru)

Шинэбаяр Очиртоогогийн – доктор филологических наук (PhD), заведующий сектором прикладной лингвистики Института языка и литературы Академии наук Монголии (пр. Жукова, 54а, Улан-Батор, 13330, Монголия; och.shinee@yahoo.com)

Советскому Союзу, региональные власти, научная общественность, в первую очередь лингвисты, по итогам серии конференций (1928, 1930, 1931 гг.) приняли решение о переходе на латинскую графику с применением некоторых диакритических знаков. В качестве живой разговорной основы был выбран халха-монгольский язык, который в скором времени был заменен селенгинским диалектом, распространенным в южной части Бурятии. Почти десятилетний период скоропалительных реформ литературного языка (1931–1939 гг.) определялся не только и не столько лингвистическими факторами, сколько идеологическими причинами. Этот отрезок бурного развития бурятского литературного языка заслуживает отдельного исследования, в данной же статье мы подвергнем анализу первый русско-бурятский технический словарь, изданный в 1933 г. в г. Верхнеудинске.

«Краткий русско-бурятский технический словарь» является вторым терминологическим словарем бурятского языка, после «Русско-монгольского терминологического словаря» (1928; 2-е изм. изд. 1930). Определение «русско-монгольский» объясняется тем, что языковеды Бурятского ученого комитета (Буручкама)¹ и республиканские власти в 1920-х гг. рассматривали бурят и их язык в тесной связи с Монголией и монгольским языком, поскольку в Монголии и Бурятии применялась общая старомонгольская письменность в качестве литературного языка. Тем не менее составителям «при установлении тех или иных терминов приходилось считаться и с диалектологическими особенностями монгольского языка, выражающими лексические и семантические различия бурятского и монгольского наречий»² [Русско-монгольский..., 1928, с. I–II].

В предисловии этого словаря написано: «Основное назначение словаря заключается в том, чтобы положить начало выработке и установлению единой терминологии на монгольском литературном языке, потребность в которой в связи с национально-культурным возрождением монгольских племен начинает чувствоваться весьма остро и в Бурятии и в Монголии» [Там же, с. II]. «Русско-монгольский терминологический словарь» в обоих изданиях при общей положительной оценке подвергся критике в отношении идеологии. Редактор словаря, Г. Ринчинэ, в одной из своих работ отмечает, что «оформление и идеологическое содержание терминов в указанных работах не везде выдержаны и избыточны многими дефектами»³ [Ринчинэ, 1931, с. 41].

Монголия, ставшая после революции 1921 г. независимым демократическим (социалистическим) государством, в целом стала следовать курсу Советского Союза. В плане государственного строительства, науки в новой Монголии огромную роль сыграла бурятская интеллигенция – ученые, политические и государственные деятели Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Г. Цыбиков и ряд других. В их числе был и Бимбын Ринчен – будущий член Академии наук Монголии, лингвист с обширными знаниями во всех областях языкознания. Бурное научно-технологическое развитие Монгольской Народной Республики потребовало, соответственно, и выработки терминологии. Первое послереволюционное десятилетие (1920–1930-е гг.) характеризовалось тесным сотрудничеством монгольских и бурятских ученых, которые выстраивали общую языковую стратегию, об этом же свидетельствует и упомянутый выше терминологический словарь.

Развитие национальной монгольской терминологии связано с освобождением от трехсотлетнего маньчжурского ига: «Со времен маньчжурского ига до XX в. в официальном обороте господствовал маньчжурский язык, а в религиозной сфе-

¹ Ныне – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН).

² В то время бытовало мнение, согласно которому бурятский и монгольский языки являются наречиями общего монгольского языка.

³ Орфография оригинала сохранена.

ре – тибетский язык. В прошлом веке (в XX в. – Б. Ц., О. Ш.) выросла роль науки, техники, технологий, а в 1920–30-е годы их развитие получило особенно быстрое развитие, что потребовало создания научно-технической терминологии на собственной национальной языковой основе. Это вызвало, в свою очередь, составление и издание терминологических словарей на монгольском языке» [Ринчен, 2015, с. 3].

В мемориальном издании «Бимбын Ринчен – член государственной терминологической комиссии», посвященном 110-летию ученого, отмечается его ведущая роль в монгольском терминотворчестве. До 1937 г. им были составлены несколько терминологических словарей: Русско-латинско-монгольский словарь названий растений (1932); Русско-монгольский математический словарь (1935); Русско-монгольский терминологический словарь по географии и климату (1935); Русско-монгольский химический словарь (1937); Русско-монгольский физический словарь (1937). Во всех этих словарях переводы терминов на монгольский язык передавались на старомонгольской письменности, тогда как бурятский язык в это время уже перешел на латиницу⁴. Упомянутые выше монгольские словари будут привлекаться для сравнительного анализа «Краткого русско-бурятского технического словаря» с целью выявления общих и отличительных черт.

Переход на латинскую графическую основу и создание нового литературного бурятского языка воспринималось как исключительно положительное явление, которое будет способствовать развитию бурятского языка в целом и терминологии в частности. Об этом в духе того времени воодушевленно заявляет Г. Ринчинэ в статье «К проблеме бурят-монгольской терминологии»: «На ряду с созданием ново-литературного языка на основе латинской графики в Бурят-Монголии во всей широте и глубине возникает актуальная проблема, проблема создания учебно-научной терминологии на новом б.-м. литературном языке.

В связи с переходом на латинскую, т. е. фонетическую графику, те графическо-технические трудности, которые очень часто тормозили создание терминологии при старо-монгольском алфавите вертикального направления, – теперь отброшены полностью»⁵ [Ринчинэ, 1931, с. 37].

Зарождение терминологической системы бурятского языка тесно связано с установлением и развитием собственно литературного языка. «История развития бурятской терминологии, отражающая процесс становления лексической нормы языка, свидетельствует о характере стабилизации самого литературного бурятского языка...» [Дарбеева, 1989, с. 20]. Терминологическая комиссия, созданная при Буручкеме, приложила максимум усилий для выработки «учебно-научной терминологии». Деятельность этой комиссии вылилась в создание анализируемого словаря, а также последующие «Русско-бурятский словарь географических терминов и названий с кратким толкованием» В. Л. Егорова [1934] и «Русско-бурятский терминологический словарь по языку и литературе» Б. Барадина [1935]. Очевидно, что терминология на новом литературном языке была доступна потребителю посредством словарей. Это был период наиболее активного терминотворчества и составления терминологических словарей бурятского языка: «...терминологические словари системного типа, посвященные исключительно специальной лексике, стали появляться с 30-х гг. XX в.» [Суперанская и др., 2008, с. 204]. В этом смысле бурятская терминологическая лексикография находилась в общем русле.

Бурятский язык в прошлом некорректно определяли как младописьменный, и это в корне неверно, так как буряты использовали в качестве литературного, общенационального языка старописьменный монгольский язык в несколько измененной форме. На этой модернизированной письменности были созданы

⁴ О процессе латинизации бурятского языка см.: [Базарова, 2006].

⁵ Сохранена орфография оригинала.

летописная, художественная литература, законодательные акты, велось делопроизводство. Тем не менее слова Ю. Д. Дешериева о терминотворчестве в младописьменных языках можно применить и в отношении бурятского языка, поскольку до указанного времени у бурят не было технической терминологии ввиду отсутствия промышленности как таковой. Ю. Д. Дешериев пишет: «Работа по созданию терминологии для языков младописьменных народов была развернута с первых же дней оформления их письменности. Поэтому период оформления письменности и есть по существу начало упорядочения и установления в языке общественно-политических, научных, технических и других терминов первой необходимости» [1968, с. 43].

В бурятском языке к началу 1930-х гг. уже существовала богатая и вполне устоявшаяся общественно-политическая терминология при отсутствии технической терминологии. Создание технической, научной терминологии как раз и удовлетворяло ту первую необходимость, поскольку «в словарном составе дореволюционного бурятского литературного языка научно-техническая терминология почти что отсутствовала» [Дондуков, 1970, с. 53]. Появление и развитие этого пласта терминов У.-Ж. Ш. Дондуков связывал с индустриализацией всей страны, в том числе и Бурятии.

Появление «Краткого русско-бурятского технического словаря» было, кроме всего прочего, обусловлено началом постройки в 1932 г. Верхнеудинского паровозовагоноремонтного завода. На обширную стройку были привлечены специалисты, строители со всей страны и местное население – буряты, которым предстояло пройти обучение и подготовку для работы на стройке. В предисловии к словарю сказано: «Одним из актуальнейших вопросов подготовки национальных кадров работников промышленного строительства Бурятии, несомненно, является вопрос создания технической литературы на бурят-монгольском языке.

Идя навстречу этой потребности, Институт Культуры (ГИК; правопреемник Буручкома. – Б. Ц., О. Ш.) кладет почин изданием маленького русско-бурятского словаря. Его задача – служить справочником по переводу обиходных терминов на бурят-монгольский язык, а также пособием при чтении технической литературы по промышленному строительству». Словник данного словаря был «составлен инженерами Г. С. Кожевниковым и В. И. Трипольским при непосредственном участии инженера В. И. Андреева, они же консультировали при переводе словника на бурят-монгольский язык. Автором-переводчиком бурят-монгольского текста является Д. Ирдынин (Ирдыниев. – Б. Ц., О. Ш.), редактором профессор Б. Бардин» [Ирдыниев и др., 1933, с. 2].

Графика

Для удобства понимания и корректного прочтения приводимых в статье примеров, позволим себе остановиться на особенностях графики, употреблявшейся в период издания словаря. С 1931 по 1936 г. в Бурятии, включавшей современные Усть-Ордынский и Агинский Бурятские округа Иркутской области и Забайкальского края соответственно, в качестве письменной основы бурятского литературного языка был принят латинский алфавит. При адаптации его применительно к бурятскому языку были исключены буквы **h**, **q**, **w**, **x**, но при этом добавлены буквы с диакритическими знаками: с седилью – **ç** для обозначения [ч] и **ş** для обозначения [ш], с горизонтальным штрихом (перечеркивание) – **z** для обозначения [ж], а также специальная буква **ö** для обозначения широкого огубленного краткого монофтонга мягкого ряда (в фонетической транскрипции – [ö]). Буква **u** обозначает узкий огубленный краткий монофтонг твердого ряда [u], а буква **y** – узкий огубленный краткий монофтонг мягкого ряда [ü] (в современной графике **y** и **ü** соответственно). Буква **j** употребляется в функции йоты: *kojor* ‘два’. Долгота гласных выражается удвоением соответствующих букв, при этом сочетание **ee** в ис-

конно бурятских словах обозначает долгий [э], в заимствованиях манифестирует ударную **е**, например, **метр** – *meetr* (с. 21)⁶. Также полифонична буква **к** – в бурятских словах она обозначает [х], например *kara* – *xara* ‘черный’, а в заимствованных словах – собственно [к]: **каркас** – *karkaas*, *barilgiin gol kelkiee* (с. 17) (в совр. орфографии: *каркас*, *барилгын гол хэлхээ*) ‘главный скелет здания’. Мягкость согласных обозначается при помощи следующей за ними гласной **и**, например **кленить** – *niaaka* (с. 18) (в совр. орфографии: *няаха*). Ударные гласные в заимствованных словах обозначаются также удвоением соответствующей гласной, как, например, в слове *karkaas* ‘каркас’. Алфавит бурятского языка на момент составления словаря выглядел следующим образом: *Aa, Bb, Cc, Çç, Dd, Ee, Ff, Gg, Ii, Jj, Kk, Ll, Mm, Nn, Oo, Өө, Pp, Rr, Ss, Şş, Tt, Uu, Vv, Yy, Zz, Zz*.

Словарные статьи выстроены по алфавиту. Объем **словника**, по нашим подсчетам, составляет 1 581 ЗЕ. Считаем необходимым отметить, что при обозначении входа в данном словаре наиболее удачным представляется именно термин «заголовочная единица», поскольку некоторая часть ЗЕ – словосочетания, например: **минеральное топливо** – *modonii zuil bişe çuluu nuurse, mazuud, neeftiin tylişe* (с. 24) ‘не древесное, топливо из каменного угля, мазута, нефти’; **насаживать топор** – *syke ecedeni uglaka* (с. 26) ‘надеть топор на его рукоять’; **пробивать отверстие** – *nykelke, nebte nykelke* (с. 37) ‘дырять, дырять насквозь’; **труба водопроводная** – *usa jabuulka corgo* (с. 45) ‘труба для проводки воды’.

В предисловии не сказано, какой принцип применялся при отборе слов, поэтому мы можем лишь догадываться, что они были отобраны исходя из практики, т. е. названия тех материалов, оборудования, процессов, которые были актуальны при строительстве данного конкретного завода. Большинство ЗЕ представлено ординарными словами, в то же время встречается незначительное количество словосочетаний (39 единиц), некоторые из них приведены выше. Кроме вполне оправданных словосочетаний, например, названий типов оборудования, материалов: *бемское стекло* (с. 5), *голландская печь*, *голландская черепица* (с. 14), *зетовое железо* (с. 16) и др., встречаются свободные (нетерминологичные) словосочетания: *гладкая земля* (с. 10), *железная проволока* (с. 22), *прекращать работу* (с. 36), *узкая доска* (с. 46), *узкая комната* (с. 47) и др.

Некоторые ЗЕ заключены в кавычки, например, «*вприкол*» (с. 8), «*под лопатку*» (с. 34), «*вручную*» (с. 8), «*жирный*» (с. 14), «*пример*» (с. 36). Первая ЗЕ обозначает способ кладки камня, однако слово *виштунт* (с. 9) ‘способ соединения бревен или досок’, ничем с точки зрения образования не отличающееся от нее, или слово *вручную*, также обозначающее способ действия, производства работ, не заключены в кавычки. Если прилагательное *жирный* в переносном значении ‘(о бетоне) с большим количеством цемента’ по вполне понятной причине заключено в кавычки, то заключение в кавычки ЗЕ «**пример**» – *zişee* в прямом значении не находит объяснения. Кроме того, понятие, антонимичное «жирному», «тощий» в кавычки не заключено (с. 45).

За крайне редкими случаями нарушения алфавитного порядка ЗЕ, словник в целом подобран добротнo, а содержание тематически выдержано, хотя в предисловии редакция ГИК оговаривается, что «справочник не лишен недочетов, вызванных как спешностью подготовки, так и новизной дела» [Ирдыниев, 1933, с. 2].

Дефиниция

В «Кратком русско-бурятском техническом словаре», исходя из содержания правой части словарной статьи, мы выделили 7 видов дефиниций. Преобладание

⁶ Здесь и далее в скобках указываются страницы рассматриваемого словаря, из которого приведены примеры.

переводных эквивалентов в дефинициях в данном словаре свидетельствует о том, что обиходные слова и народная терминологическая (ремесленная) лексика переходят разряд технической (научно-технической) терминологии. К ремесленной лексике относятся такие слова, как: *dəʒə* ‘наковальня’ (с. 26), *balta* ‘молот’ (с. 24), *сууҗе* ‘стамеска’ (с. 43), *өрөт* ‘сверло’ (с. 41), *gagnuuri*, *ʒireelte* ‘сварка’ (с. 41) и др. Вполне естественно, что при натуральном хозяйстве, которое существовало у бурят до Октябрьской революции, все эти инструменты использовались практически каждым бурятом в быту, но, тем не менее, эти слова имели статус терминов. Иначе говоря, они входили в неписанный корпус народной терминологии, ценность которой для общей лексикографии отмечал А. А. Юлдашев [1972, с. 87–88]. Таким образом, значительная часть обиходной и ремесленной (народной терминологической) лексики в данном словаре начала приобретать статус терминов, впервые образуя бурятскую техническую терминологию.

К отрицательным сторонам переводной дефиниции посредством имеющихся эквивалентов можно отнести то, что разные предметы или разные виды одного предмета обозначаются одним и тем же бурятским словом, например, **рубанок** (для общих работ) (с. 40) = **шерхебель** (рубанок для первичного грубого строгания) (с. 50) – *karuul*, но **фуганок** – *gar karuul* (с. 48) ‘ручной рубанок’; **выкапывать** (с. 9) = *копать* (с. 19) – *maltaka*; **клеить** (с. 18) = **обклеить** (с. 28) = **склеивать** (с. 42) – *niaaka*; **газ** (с. 10) = **воздух** (с. 8) – *kii* и др. Во всех статьях, приведенных в качестве примеров, видимо, было необходимо давать уточняющие пояснения, что затягивало бы работу составителей, а это в условиях нехватки времени – важный аргумент. Есть и откровенно неправильные переводы, например **распорка** – *kangilalta* (с. 39). Д. Ирдыниев понял это слово как производное от «пороть» (шов, швейное изделие) – *хангилха* (*kangilka*), а не от «распирать», в этом случае нужно было бы перевести как *тэртэ* (*terte*) или *хүндэлэбишэ* (*kəndələbɨʃə*). Другой пример: **примерзать** – *kəldəkə* (с. 36), прямое значение глагола *kəldəkə* (хүлдэхэ) ‘замерзнуть (о живых существах, продуктах растительного происхождения)’, а «примерзать» в переводе – *няалдажа хүрэхэ* букв. ‘замерзнуть, приклеившись’. Таких примеров достаточно много, но формат статьи не позволяет перечислить их все.

Особенность анализируемого словаря составляет также обилие толкований, которые подчеркивают обучающий характер словаря. Если сравнивать близкие по времени издания и объему «Краткий русско-бурятский технический словарь» (1) и «Краткий русско-бурятский словарь» А. Н. Боржоновой (2), то выявляется, что в первом преобладают переводы более описательные, например: **колено** – (2) *əbədəg* ‘колено’ [Боржонова, 1932, с. 26], (1) *əbədəg*, *nugaraakai* (с. 19) ‘колени’ и ‘сгиб’; **тормоз** – (2) *toormos*, *saad* [Там же, с. 67] ‘тормоз, препятствие’, (1) *toormoz*, *jabaza baisan maʒiniigii kaduun bailgaka arga*, *saad* (с. 45) ‘тормоз, способ остановить движущуюся машину, препятствие’; **устраивать** – (2) *zokiooko*, *togtoniuulka* [Там же, с. 71] букв. ‘налаживать, устраивать, упорядочивать и устанавливать, стабилизировать’, (1) *zokiooko*, *baiguulka*, *kiike*, *zasaka* (с. 47) ‘налаживать, устраивать, упорядочивать, устанавливать’, ‘делать’, ‘исправлять, ремонтировать’. В последнем случае приведено максимально возможное количество подходящих эквивалентов, при этом в следующей статье «устраивать машину» приведен эквивалент *maʒina zokiooko* (с. 47). В данном случае, по всей видимости, имеется в виду ‘налаживать, настраивать машину’, а не ‘устанавливать, делать, исправлять или ремонтировать’.

Собственно толковательные эквиваленты составляют в словаре более десятой доли дефиниций, например: **барабан** – (2) *kengereg* [Боржонова, 1932, с. 6] и (1) *kyndiigi ɵrgɵkɵ barilgiin mekaniizm*; *dundaa goltoi kojor ojuoroos byтуу modon booʒko* (с. 4) ‘строительный механизм для подъема тяжестей; деревянная бочка со стержнем в центре и закрытая с двух торцов’. Во втором словаре приводится

эквивалент – только название музыкального инструмента, но не упоминается механизм, а в первом (терминологическом) – название механизма, буквальный перевод которого ‘строительный механизм для подъема тяжестей; деревянная бочка со стержнем в центре и закрытая с двух торцов’. Приведем дополнительно несколько примеров: **грохот** – *barilgiin keregseliin çuluu ilgadag sagçuur* (с. 12) ‘сито для разделения строительного камня’; **зубило** – *metaal төмөрийн зүйлхүүдийн сууцэ* (с. 16) ‘стамеска для металлических и железных предметов’; **калевка** – *guriba gargaka karuul* (с. 17) ‘рубанок для выстругивания борозды, нарезки’.

В словарной статье на ЗЕ «автогенная сварка» после перевода с заимствованием *avtogeen gagnuuri* в толковании дается подробное описание данного способа соединения металлов: *jөрийн гaгнууридa адaли гaлийн кyцeер улaйлгaн ширeеzе гaгнaдaг бишe, кaбçaмaл кислорoд (газ), гaгнaкa гeсeн гaзaр тийшeе кaндуулaн тaбиzа, тyнii кyцeер гaгнaдaгii иize нeрeлнe* (с. 3) ‘сваривают не как при обычной сварке, разогревая металл до красна и сковывая вместе, а направляют струю кислорода (газа) на место сварки, способ сварки при помощи этого называют так’. Глаголы *шэрэ-эхэ* (*šireeke*) ‘проварить’ и *ганаха* (*gagnaka*) ‘паять, спаивать, припаивать, запаивать’ в бурятском языке, действительно, обозначают два разных способа соединения металла при высоких температурах, первый – это сварка ковкой, или кузнечная сварка, при которой разогревые до определенной температуры железные изделия сцеплялись между собой при воздействии молота и т. п., второй способ – это спаивание, соединение металлических изделий при помощи расплавленного металла (железа, олова, различных припоев из сплавов цветных металлов). Примечательно, что глаголы «паять» и «спаивать» (с. 32 и 43) переведены как *gagnaka* (в переводе слова «пайка» присутствуют образованные от обоих глаголов существительные *gagnalga* и *šireelge*), а словосочетание «сваривать железо» – с употреблением глаголов *gagnaka* и *šireeke*: *төмөр гaгнaкa, ширeеke* (с. 41). Ср.: в Бюллетене Государственной терминологической комиссии Монголии «автогенная сварка» переведена как *автоген ширээл*, что противоречит изложенному в рассматриваемом словаре. В период становления бурятской технической терминологии, по-видимому, смешение разных терминов, обозначающих разные по природе технологические процессы, было оправдано.

Довольно велика доля использования способов, связанных с заимствованием, при этом часто дается заимствование, а затем толкование, т. е. описательный перевод термина, например, **агрегат** – *agregaad, kolimog mašiniin toskuur* (с. 3) ‘агрегаад⁷, установка из смешанных машин’; **арка** – *aarka, modon ba çuluun kaniin bujuu кyургийн коjор тaлаасaнii коорондокийги бытyулze кaласaн тyлкегeр онгorkoi, yyde niurga* (с. 3) ‘аарка, отверстие между двумя деревянными или каменными стенами или (над опорами) моста, перекрытое выгнутым, спина двери (дверного проема)’; **деформация** – *deformaaca, bejiini keb kubilka, gutaka* (с. 13) ‘деформааца, букв. форма тела меняться, портиться’; **домкрат** – *domkraat, kynde teeberiigii өргөкө zebseg (zokiootzo)* (с. 13) ‘домкраат, орудие (установка) для подъема тяжелых грузов’; **перпендикуляр** – *perpendikuliaar, nege şugamiigii egce көндөлөн garsan şugam* (с. 32) ‘перпендикуляар, букв. линия, выходящая строго поперек (из) другой линии’. Сравним перевод этих терминов в монгольских терминологических словарях: **агрегат** – *цогцолбор* [Бюллетень..., 1959, с. 3] ‘агрегат, комплекс’; **арка** – *гулдан хаалга* [Там же, с. 4] ‘арочная дверь’; **деформация** – *кебуяйику* [Ринчен, 2015, с. 217], *хэв гажих* [Бюллетень..., 1959, с. 16] букв. ‘изменение формы’; **домкрат** – *үргүгүл (domkrat)* [Ринчен, 2015, с. 218], *өргүүл* [Бюллетень..., 1959, с. 16] букв. ‘подъемник’; **перпендикуляр** – *унгүй* [Ринчен, 2015, с. 28] ‘перпендикуляр’, *перпендикуляар* [Бюллетень..., 1959, с. 36]. Эквиваленты в мон-

⁷ Здесь и далее в примерах приводится транслитерация бурятских слов с использованием современной графики, а толкование переводится на русский язык.

гольских терминологических словарях отличаются большей точностью и краткостью, но, с другой стороны, «Краткий русско-бурятский технический словарь», составленный к постройке конкретного завода и с целью обучения первых строителей, технических работников из числа бурят, имел обучающую направленность, вследствие чего в нем много толкований, пояснений и описательных переводов терминов.

Мы не можем определить принципы выбора способов дефиниции и склонны думать, что и авторы – составители словаря не придерживались какого-либо принципа. Тем не менее при сравнении переводов некоторых терминов выявляются интересные моменты, например, «термометр» и «градусник» полные синонимы, разница лишь в том, что последний относится к разговорной речи, но в русско-бурятском техническом словаре они поданы по-разному: **термометр** – *termoometr, kaluun kyitenii kemzuur* (с. 44) ‘термоомер, измеритель жары и холода’, **градусник** – *graadus, kaluun kyitenii kemzuur* (с. 11) ‘градус, измеритель жары и холода’, т. е. в каждой статье собственное заимствование, но описательные переводы совершенно идентичны. Также интересен перевод слов «правило» и «правилка»: **правило** – *praviil, şugam* (с. 36) ‘правиил, линейка’ и **правилка** – *baga şugam, бага правиил, şugam* (с. 36) ‘маленькая линейка, маленькая правиил, линейка’. Во второй статье заимствование отходит на второй план, уступая исконно бурятскому *şugam* (шугам) ‘линейка’.

Собственно заимствования в данном словаре представлены в небольшом количестве. Среди них встречаются *брезент, ватерпас, вагон, индустриализация, инженер, карниз, километр, конструкция, метр, пружина, резина, скипидар, сорт, угольник, фонарь, шкаф, шуруп* и др. Все эти слова, естественно, включены в словарь в фонетически адаптированном виде или оформлены по бурятским словообразовательным моделям, например: **индустриализация** – *indyustrizyylge* (с. 16). Примечательно, что «ватерпас» в бурятском языке имеет эквивалент – *нюруубша*, наряду с фонетически адаптированным к бурятскому произношению заимствованием *тирнаас*.

Омонимия

В рассматриваемом словаре омонимия не выделена так, как принято в словарях: отдельной словарной статьей с нумерацией статей и т. п., но омонимы встречаются в составе словарных статей и оформляются тремя разными способами: 1) отделение омонимичных значений запятой и точкой с запятой; 2) нумерация омонимичных значений цифрой со скобкой (статья на ЗЕ **центральное отопление**; с. 49) и 3) нумерация числительными *negeni* ‘первое’, *nөгөөдөни* ‘второе’, букв. ‘следующее’ (статья на ЗЕ **транспортёр**; с. 45). Первый способ количественно превосходит, например, **атмосфера** – *atmosfeera; delekein agaar, baidal; mekanikada – şingen bujuu kii makabuudiin daraciin kyce* ‘атмосфера; воздух планеты, состояние; в механике – сила давления жидких или газообразных веществ’ (с. 4), ср.: в «Словаре химических терминов» «атмосфера» переведено как *аҕар* ‘воздух’ [Ринчен, 2015, с. 127], в физическом терминологическом словаре выделены омонимы **атмосфера** «газообразная оболочка Земли, воздух» – *аҕар (atmosfeera)* и **атмосфера** (един. изм.) – *atmosfera* [Там же, с. 209]; **брусок** – *kairag; kaimal modo; biçikan byliу* (с. 6) ‘точило; отесанная древесина; оселок’; **вал** – *oboо şoroi; goloороо ergildedeg maşiniin төкөрөөн kubi* (с. 6) ‘куча земли; круглая часть машины, вращающаяся вокруг своего центра’; **куб** – *kyub, tebker; usa bucalgaka togoo* (с. 21) ‘күүб, прямоугольное тело; котел для кипячения воды’; **масса** – *maassa; ylemze olon, olon төмөн* (с. 23) ‘маасса, исключительно много, множество’; **окраска** – *şirdelge; өнгө, zyse* (с. 29) ‘окрашивание; цвет, масть’; **оправа** – *bөкө juumaar bekizyylke jabadal; boolto, şakalta, çimeg* (с. 29) ‘укрепление крепким предметом; оправка, обжимка; украшение’ и т. д.

Деление значений ЗЕ. Иллюстрации

Термины, как известно, большей частью однозначны, тем не менее в рассматриваемом словаре встречаются ЗЕ с двумя и более значениями, например: **выключать** – *gargaka, sugalka, abka* (с. 9) ‘вынимать, выдергивать, брать’; **крошить** – *kerceke, zizelke* (с. 21) ‘нарезать, измельчать’; **крючек**⁸ – *goko, degee, kakuuli* (с. 21) ‘крюк (багор), крючок, удочка’; **плотность** – *nigta, çanga* (с. 33) ‘плотный (плотность), крепкий (крепость)’; **резьба** – *cabçalaa, siilelte* (с. 40) ‘зарубка, насечка’; **слой** – *yje, dabkar* (с. 42) ‘слой, ряд’; **фасад** – *niuur, mila, niuur tala, barilgiin niuur tala* (с. 47) ‘лицо, мила⁹, лицевая сторона, лицевая сторона постройки’ и т. д.

Данный словарь лишен лексикографических и иных иллюстраций (рисунков, чертежей, схем и т. п.), но в словарной статье на ЗЕ «тычок» имеются внутристрочные схематические рисунки, дающие представление о соотношении граней кирпича: **тычок** – *өрөөсөн нарин казуу* (тычок¹⁰, ложок¹¹) (с. 46) ‘одна (из пары) узкая сторона’. Здесь не упоминается кирпич, а в статье на ЗЕ «ложок» указано, что это одна из его граней: **ложок** – *kirpiicin uta казуу* (с. 22) ‘длинная сторона (грань) кирпича’, а в статье на ЗЕ «постель» написано: *kirpiice tabika суури* (с. 35) ‘место кладки (куда кладут) кирпич’, т. е. имеется в виду верхняя широкая грань кирпича, на которую следует класть следующий кирпич.

Лексикографических иллюстраций в традиционном понимании в данном словаре нет. Единственное, на что можно обратить внимание, это достаточно обширные объяснения (в скобках и без скобок) тех или иных терминов в нескольких статьях: **готическая** – *gotiin, şorogor yzyrtei barilganuudiigi gotiin majagaar barisan gelcedeg baina (Gooto geze yndesenii arad zon)*¹² (с. 11) ‘готиин, здания, построенные с острыми шпильями (острием), называют готическими (Название народа готы)’, **давление** – *daralta, tylkilte. Daralta, tylkilte gedeg fizikiin zama josonii nere yge* (с. 12) ‘давление, толкание. Давление, толкание есть название закона физики’; **материя** – *mateeri, bodos ed juuma, zyil. Baiguulamza, byteemze ba byrideliin kubi bolko bykii zyilnyyd, bykii jumanuud* (с. 23) ‘матезри, вещество, вещи и т. п. предметы. Все вещи и предметы, входящие в составы, структуры, устройства’ и т. д.

* * *

Рассмотренный «Краткий русско-бурятский технический словарь» является вторым словарем, изданным на бурятском литературном языке на латинской графической основе. Этому словарю предшествовал «Русско-монгольский терминологический словарь» (общественно-политические термины; на старомонгольской письменности). Составление технического и общественно-политического терминологических словарей было обусловлено временем. Малый объем, простейшая структура словаря в целом (макроструктура), структура словарной статьи (микроструктура) объясняются, прежде всего, его прикладным характером, тем не менее он лежит в основе развития бурятской терминологии и бурятской практической лексикографии.

Проведенное исследование позволило пролить свет на процессы формирования технических терминов бурятского языка. Материал, представленный в словаре, и его анализ позволяют в разрезе увидеть ситуацию в литературном языке, терминотворчестве в 1930-х гг. Изучение и введение в научный оборот этих явле-

⁸ Орфография источника сохранена.

⁹ Данное слово не обнаружено ни в одном из существующих словарей бурятского и других монгольских языков.

¹⁰ Нарисован квадрат.

¹¹ Нарисован прямоугольник.

¹² Здесь и в следующих двух примерах подчеркнуто нами. – Б. Ц., О. Ш.

ний важны для историко-лингвистических исследований бурятского и других монгольских языков.

Список литературы

Базарова В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920–1930 гг. Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 238 с.

Барадин Б. Русско-бурятский терминологический словарь по языку и литературе с краткими объяснениями. Улан-Удэ: Бургиз, 1935. 195 с.

Боржонова А. Н. Краткий русско-бурятский словарь. Верхнеудинск, 1932. 79 с.

Дарбеева А. А. Историческая преемственность в терминологии бурятского языка // История и культура монголыязычных народов: история и традиции: Тез. докл. и сообщ. Междунар. «круглого стола» монголоведов (Улан-Удэ, октябрь 1989 г.). Улан-Удэ, 1989. С. 19–22.

Дешериев Ю. Д. Советский опыт языкового строительства и развития литературных языков. Элиста, 1968. 80 с.

Дондуков У.-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. Улан-Удэ, 1970. 78 с.

Егоров В. Л. Русско-бурятский словарь географических терминов и названий с кратким толкованием / Под ред. Б. Барадина. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1934. 99 с.

Ирдыниев Д., Кожевников А., Трипольский В. Краткий русско-бурятский технический словарь (строительных работ). Верхнеудинск, 1933. 51 с.

Ринчен Б. Нэр томьёоны толь бичиг [Терминологический словарь]. Улан-Батор, 2015. 432 с.

Ринчинэ Г. К проблеме бурятской терминологии // Вестник Ин-та культуры Бурят-Монгольской АССР. 1931. № 2–3. Ноябрь-декабрь. С. 37–43.

Русско-монгольский терминологический словарь / Под общ. ред. Г. Р. Ринчинэ, введ. Б. Барадина. 2-е изд., испр. Верхнеудинск, 1930. 198 с.

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

Юлдашев А. А. Принципы составления русско-тюркских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.

Список сокращений

б.-м. – бурят-монгольский (язык); **ЗЕ** – заголовочная единица; **ГИК** – Государственный институт культуры; **совр.** – современный

B. D. Tsyrenov¹, O. Shinabayar²

¹ *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, tsyrenovbabasan@mail.ru*

² *Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia Ulan Bator, och.shinee@yahoo.com*

The experience of compiling the Russian-Buryat dictionary of technical terms: a general analysis

This paper analyzes the “A brief Russian-Buryat technical dictionary” compiled by D. Irdynin, A. S. Kozhevnikov, and V. I. Andreeva (Verkhneudinsk, 1933). It is the first experience of compiling a technical terminological dictionary and technical terms. The word list of the dictionary is arranged in alphabetical order. The number of entries is 1581 head unit. The word list included a relatively small number of construction and technical terms, consisting of a single

word or word-group. The principle of selecting words was due to the specificity of constructing the locomotive and wagon repair plant. Since the Buryats involved in the construction of the plant did not speak Russian well, the dictionary contains many interpretations and descriptive translations. The semantization of terms in this dictionary is represented to a greater extent by translation-equivalents. The terms are not only translated but also interpreted or translated in a descriptive way, with borrowings and combination of these methods applied. When translated, Buryat everyday vocabulary and folk terminology in this dictionary takes on the status of terms. In the absence of direct equivalents, the translator applies interpretation or descriptive translation. Extensive interpretation and a large descriptive translation were necessary not only to familiarize the Buryats with the new terminology but also to enable them to get the initial information on construction work with the help of the dictionary. In the dictionary, homonyms are not distinguished but are given in one dictionary entry. The homonymous values in the dictionary entry are separated by a comma or semicolon. The dictionary is devoid of lexicographic illustrations, but the dictionary article “tychok” includes schematic drawings of brick faces in the form of a square and a rectangle.

Keywords: Buryat language, technical terminology, dictionary, translation, interpretation, borrowing.

DOI 10.17223/18137083/69/20

References

- Bazarova V. V. *Latinizatsiya buryat-mongol'skoy pis'mennosti v 1920–1930 gg.* [Latinization of Buryat-Mongolian writing in 1920-1930]. Ulan-Ude, East Siberian State Institute of Culture Publ., 2006, 238 p.
- Baradin B. *Russko-buryatskiy terminologicheskii slovar' po yazyku i literature s kratkimi ob'yasneniyami* [Russian-Buryat dictionary of terminology on language and literature with brief explanations]. Ulan-Ude, Burgiz, 1935, 195 p.
- Borzhonova A. N. *Kratkiy russko-buryatskiy slovar'* [Brief Russian-Buryat dictionary]. Verkhneudinsk, 1932, 79 p.
- Darbeyeva A. A. Istoricheskaya preymstvennost' v terminologii buryatskogo yazyka [Historical continuity in the terminology of the Buryat language]. In: *Istoriya i kul'tura mongoloyazychnykh narodov: istoriya i traditsii: Tez. dokl. i soobshch. Mezhdunar. "kruglogo stola" mongolovedov (Ulan-Ude, oktyabr' 1989 g.)* [History and culture of Mongolian-speaking peoples: history and traditions: Proc. of Intern. “Mongolian Studies Round Table” (Ulan-Ude, October 1989)]. Ulan-Ude, 1989, pp. 19–22.
- Desheriye Yu. D. *Sovetskiy opyt yazykovogo stroitel'stva i razvitiya literaturnykh yazykov* [Soviet experience of language construction and development of literary languages]. Elista, 1968, 80 p.
- Dondukov U.-Zh. Sh. *O razvitiy terminologii v buryatskom yazyke* [On the development of terminology in the Buryat language]. Ulan-Ude, 1970, 78 p.
- Egorov V. L. *Russko-buryatskiy slovar' geograficheskikh terminov i nazvaniy s kratkim tolkovaniyem / Pod red. B. Baradina.* Verkhneudinsk, Burgosizdat, 1934, 99 p.
- Irdyniyev D., Kozhevnikov A., Tripol'skiy V. *Kratkiy russko-buryatskiy tekhnicheskii slovar' (stroitel'nykh rabot)* [Brief Russian-Buryat technical dictionary (of construction works)]. Verkhneudinsk, 1933, 51 p.
- Rinchen B. *Terminologicheskii slovar'* [Terminological dictionary]. Ulan-Bator, 2015, 432 p.
- Rinchine G. K probleme buryatskoy terminologii [To the problem of Buryat terminology]. *Vestnik Instituta kul'tury Buryat-Mongol'skoy ASSR.* 1931, no. 2–3, November-December, pp. 37–43.
- Russko-mongol'skiy terminologicheskii slovar'* [Russian-Mongolian terminological dictionary]. G. R. Rinchine (Ed.), B. Baradin (Intr.). 2nd ed., rev. Verkhneudinsk, 1930, 198 p.
- Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'yeva N. V. *Obshchaya terminologiya: Terminologicheskaya deyatel'nost'. 3-e izd.* [General terminology: Terminological activity. 3rd ed.]. Moscow, LKI, 2008, 288 p.
- Yuldashev A. A. *Printsipy sostavleniya russko-tyurkskikh slovarey* [Principles of compiling Russian-Turkic dictionaries]. Moscow, Nauka, 1972, 416 p.